

УДК 314.74

«ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Трунев Сергей Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университета имени Гагарина Ю. А. E-mail: si_trounev@mail.ru

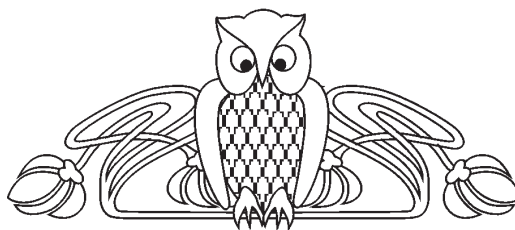
Антонюк Екатерина Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: eyu_antonjuk@mail.ru

Основной задачей статьи является выявление представлений о временных траекториях развития культуры ряда восточных и европейских стран, включая Россию. Речь идет не о реальном (историческом) времени развития культуры и его периодизации, но именно о представлениях о конфигурации временных траекторий, заданных спецификой конкретной культуры, до определенной степени формирующих национальную идентичность. Эти траектории варьируются следующим образом: для США время представляется непрерывным возрастающим прогрессом, поскольку, в отличие от Европы и России, Америка никогда не переживала катастрофических упадков экономики, культуры и жизнеобеспечивающей инфраструктуры; время Европы циклично: в нем относительно спокойные периоды сменяются революционными преобразованиями; время стран Востока – длительные периоды «сонного» состояния, за которыми следует «прыжок тигра»; время России также циклично, но здесь каждый новый этап стремится уничтожить достижения предыдущего. Делается вывод, что представления о «времени культуры» являются органичной и крайне значимой частью социокультурной идентичности. Возможно, изменение представлений о специфике траектории времени культуры позволит России совершить гигантский прорыв в постиндустриальное будущее.

Ключевые слова: время, культура, временная траектория, отрезки, этапы, идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424

Каждая культура обладает собственной временной траекторией, несводимой ни к концепту физического времени, ни, тем более, к концептам времени психологического или же биологического. Известно, что физическое время состоит из одинаковых отрезков, линейно, континуально, бесконечно (время И. Ньютона); психологическое – из разных отрезков, оно линейно, дискретно, конечно (время Э. Маха и А. Пуанкаре); биологическое – также из разных отрезков, линейно, континуально и конечно. Но «время культуры» имеет иную траекторию, варьирующуюся в зависимости от специфики конкретной культуры и отчасти связанную с динамикой экономических и/или политических событий.

В задачи данного исследования не входит попытка выработки некоей единой временной траектории развития культуры, поскольку стремление к унификации здесь приведет к уже апробированным многими исследователями ошибкам и неточностям. Наша задача заключается как раз в обратном, а именно – продемонстрировать поливариантность представлений о развитии с учетом специфики каждой конкретной культуры. В этой связи наиболее близкими по направленности являются подходы, согласно которым культуры делятся на монохронные и синхронные (Ф. Тромпенаарс, Э. Холл) и в своем развитии ориентируются на прошлое, настоящее или будущее (Ф. Тромпенаарс). Несмотря на кажущуюся привлекательность, данные подходы узки и могут быть использованы почти исключительно в целях организации менеджмента, формирования межличностных отношений и т. п., однако они ничего не могут открыть нам ни в мировоззренческом аспекте, ни в представлениях того или иного народа о собственной социокультурной идентичности.

По своим характеристикам к физическому наиболее близко время американской культуры. Именно на такие размышления наталкивают уличные наблюдения Ж. Бодрийяра, написавшего в своей «Америке»: «Американская улица, может быть, и не знает исторических моментов, но она всегда оживлена, витальна, кинетична и кинематична, по образу и подобию самой страны, где мало принимается в расчет собственно историческая и политическая сцена, но где перемены, как бы они ни обеспечивались технологиями, расовыми различиями, масс-медиа, распространяются с силой вирусной инфекции: это сама сила образа жизни» [1, с. 86–87]. Данное представление о непрерывной жизни американской улицы, на наш взгляд, можно проецировать на развитие американской культуры в целом, точнее, на представления самих американцев о траектории развития собственной культуры. В результате мы можем сказать, что время американской культуры обладает качествами непрерывности, континуальности и бесконечности (с точки зрения Голливуда, Америка выживет даже после Апокалипсиса).

Более того, время американской культуры есть непрерывный прогресс и безудержная экспансия во внешний мир.

Усиливая сказанное, приведем слова политолога К. Коукера: «Собственный опыт Америки подсказывал ей, что история имеет линейный характер: положение постоянно улучшалось. Страна шла по прямой от успеха к успеху. Американцы никогда не терпели поражений на поле боя или в какой-либо сфере деятельности от иностранного противника или в результате экономического коллапса. Прогресс и был американской философией, что объясняет, почему европейская философская традиция в Америке оказалась сравнительно слабой. Американцы никогда особенно не задумывались над положением человека. История не подталкивала их к таким размышлениям» [2, с. 75]. Причиной, по которой американцев не интересует место человека в мире, является то, что, по их представлениям, человек, т.е. американец всегда занимает в мире центральное место, и именно из этого центра он осуществляет свою экспансию. Прямым выражением американского антропоцентризма является философия прагматизма, согласно которой любая теория есть правило действия, являющееся истинным в том случае, если, в итоге, человек приходит к преодолению проблемной ситуации и достижению психологически комфортного состояния. Проецируя данную философию на страну в целом, понимаем: для американцев не имеет значения, какие действия совершают США в мировом масштабе, поскольку их единственная цель есть пролонгированное во времени и непрерывно возрастающее благосостояние, приносящее психологический комфорт и уверенность в завтрашнем дне.

Исторически гораздо более пострадавшая от различного рода катаклизмов Европа имеет иные представления о времени. В отличие от Америки, ее время состоит из разных отрезков, континуально и конечно (по меньшей мере, Европе отнюдь не чужд пессимизм относительно будущего). Согласно Ж. Бодрийяру: «В Европе улица живет лишь урывками, в исторические моменты, революции, на баррикадах. В другое время люди проходят их быстро, по ним никто не бродит (никто не прохаживается). Они сродни европейским машинам: никто в них не живет, для них не хватает пространства. Недостает пространства и городам – или, скорее, это пространство считается общественным, ему присущи знаки публичной сцены, что не позволяет двигаться по нему как по пустыне или безразличному пространству» [1, с. 86]. Действительно, с одной стороны, страны Европы развиваются неравномерно, «от

революции к революции», чему мы, вероятнее всего, являемся свидетелями. Потоки мигрантов трансформируют пространство европейских городов, фактически превращая ее в пустыню, т.е. в безразличное пространство, готовое к новому структурированию на новых идеологических основаниях. Впрочем, подобного рода перемены представляются редким явлением. В периоды затишья Европа живет примерно так, как представил это Е. Сабуров в интервью Т. Чередниченко: «Механизм смены партий противоположной направленности, который сейчас существует в мире, приводит к такому интересному эффекту: маятник все меньше раскачивается. Когда приходят к власти либералы, ни одному из них в голову не приходит отменить пенсии. А когда к власти приходят социалисты, все-таки никто из них не запускает инфляцию на 50% в год. Амплитуда движения маятника постоянно уменьшается. Из разряда того, что всех освободим или, наоборот, повесим всех, кто выделился, борьба сползает к спорам о том, будет инфляция 3% или 10%. <...> Но это, конечно же, не снимает остроты политических боев, обвинений друг друга в глупости и борьбы за голоса избирателей» [3, с. 30]. По сути это означает, что в периоды экономического, политического и культурного спокойствия европейское время обладает не ярко выраженным качеством цикличности.

Это может показаться странным, но время восточных культур до определенной степени напоминает европейское. Лучше всего его характеризует выражение «прыжок тигра», обозначающее в свое время стратегии, обусловившие резкий экономический, социально-политический и культурный скачок ряда восточных стран (Тайвань, Сингапур, Гонконг, Южной Кореи) в 1970–1980-е гг. Что означает данное выражение в аспекте анализа времени культуры? Тигр может спать значительное время, накапливая ресурсы и практически безучастно наблюдая за внешней и внутренней ситуацией. В этот период в странах как будто ничего не происходит, однако это обманчиво. Накопив достаточно ресурсов и подготовившись к радикальным изменениям, «тигр» совершает революционный прыжок в развитии. Таким образом, время культуры восточных стран представляется состоящим из разных отрезков, континуальным, с более ярко выраженной цикличностью.

Наконец, мы уже много писали о том, что российская культура постоянно колеблется между состояниями подобной хаосу революции (состоянием нестабильности) и совершенного тоталитарного структурирования (состоянии-

ем стабильности). Так, революционный хаос 1920-х гг. сменяется в предвоенное десятилетие формированием вертикальной и горизонтальной структуры СССР, проникновением официальной идеологии во все сферы культуры и частной жизни. Начиная с 60-х годов, в истории России мы можем наблюдать периодически сменяющиеся друг друга следующие этапы: 60-е гг. – короткий период нестабильности («оттепель»), 70–80-е – период относительной стабильности («застоя»), 1990–2003-й гг. – период нестабильности («перестройки»), 2003–2008 гг. – период возрастания стабильности.

Нетрудно заметить, что периодичность смены периодов стабильности и нестабильности повторяет даже не периодичность экономического состояния страны, но маятникообразные колебания способов саморепрезентации политической власти – от условной демократии (ленинской, хрущевской, горбачевско-ельцинской) до условного тоталитаризма (сталинского, брежневского).

Маятникообразные колебания в России отличаются от европейских несравненно большей амплитудой, захватывающей диаметрально противоположные точки развития. Если учесть, что каждый новый период стремится если не уничтожить культуру предыдущего, то негативным образом переоценить ее, станет очевидным: Россия никогда не живет ни в прошлом, ни в настоящем времени, но почти исключительно в будущем. Иначе говоря, культура предыдущего периода разрушается «до основания», а в настоящем требуется терпеть все тяготы и лишения. Только благодаря этой жертве уже «следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Н. С. Хрущев). Или, как прозорливо писал об этом еще Н. Бердяев: «Русский дух, устремленный к абсолютному во всем, не овладевает мужественно сферой относительного и срединного, он отдается во власть внешних сил. Так, в срединной культуре он всегда готов отдаться во власть германизма, германской философии и науки. То же и в государственности, по существу, срединной и относительной. Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной <...> Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое» [4, с. 28]. Несколько перефразируя слова русского философа, ситуацию можно описать следующим образом: будучи устремленным к идеальному будущему, русский человек терпит

доставшееся от прошлого звериное настоящее, не умея по-человечески в нем обустроиться.

Таким образом, следует сделать вывод, что представления о временной траектории развития конкретной культуры являются чрезвычайно значимыми для понимания ее качественной специфики. В этой связи время оказывается фактором, формирующим диахронический срез мировоззрения. Это означает, что из представлений о времени культуры можно также сделать выводы об оценке представителями различных стран качества их прошлой, настоящей и будущей жизнью:

– Америка: прошлое и настоящее в достаточной мере благоприятны, но будущее еще лучше. Основная задача – наращивать мировое господство за счет непрерывной экспансии во всех сферах;

– Европа: резкие изменения в настоящем обеспечат несколько десятилетий безбедного существования. Основная задача – интенсивно трансформировать экономические, социально-политические и культурные структуры с учетом изменений внешней и/или внутренней ситуации;

– страны Востока: «три года упорного труда – десять тысяч лет счастья!» (Мао Цзэдун). Основная задача – упорно трудиться, чтобы обрести благосостояние в ближайшем будущем;

– Россия: благодаря наследию предыдущего периода («темного прошлого») настоящее призвано его искоренить, чтобы в неопределенном будущем страна процветала. Основная задача – трудиться и терпеть, чтобы новые поколения обрели благосостояние в неопределенном будущем.

В настоящее время в России созрели все необходимые предпосылки к тому, чтобы надежно закрепиться в настоящем при сохранении четкой установки на будущее интенсивное развитие. Разумеется, для этого нужно не только упорно трудиться, повышая благосостояние страны в целом и каждого отдельного человека в частности, необходимо в корне изменить само восприятие времени и, прежде всего, наделить позитивным смыслом его основные характеристики.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. 204 с.
2. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. 272 с.
3. Чередниченко Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах // Актуальный лексикон истории культуры. М., 1999. 416 с.
4. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 206 с.

Образец для цитирования:

Трунев С. И., Антонюк Е. Ю. «Время культуры» как элемент социокультурной идентичности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 421–424. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424.

«Culture Time» as an Element of Sociocultural Identity

Sergey I. Trounev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: si_trounev@mail.ru

Ekaterina Y. Antonyuk

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: eyu_antonyuk@mail.ru

The main purpose of this article is to identify the notions of temporal trajectories of cultural development in a number of Eastern and European countries, including Russia. The authors doesn't speak about real (historical) time of culture development and its periodization, but they just present the ideas of temporal trajectories configuration, given in a specific culture which form a national identity to a certain extent. These trajectories vary: for the USA's time, it seems to be a continuous increasing some progress; as for the Europe's time, it is cyclic and rather quiet periods here are replaced by the periods of revolutionary changes; time of the East is long periods of «sleep» state followed by a «tiger jump»; as for Russia then, its time is also cyclic but each new

stage here aims to destroy the achievements of previous one. It is concluded that the idea of «culture time» is an original and extremely significant part of socio and cultural identity. Perhaps changing ideas about peculiar features of the culture time trajectory will allow Russia to make a giant breakthrough in the post-industrial future.

Key words: time, culture, temporary trajectory, periods, stages, identity.

References

1. Baudrillard J. *Amérique*. Paris, 1986. 249 p. (Russ. ed.: Bodriyyar J. *Amerika*. St. Petersburg, 2000. 204 p.).
2. Koker K. *Twilight of the West*. Boulder, 1998. 216 p. (Russ. ed.: Kouker K. *Sumerki Zapada*. Moscow, 2000. 272 p.).
3. Cherednichenko T. Rossiya 1990-h v sloganakh, reytingakh, imidzhakh: *Aktualniy leksikon istorii kultury* [Russia in the 1990s, the slogans, ratings, images: Topical lexicon of cultural history]. Moscow, 1999. 416 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. *Sudba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsionalnosti* [Berdyaev N. Russia's fate. Essay on the war psychology and nationality]. Moscow, 1990. 206 p. (in Russian).

Cite this article as:

Trounev S. I., Antonyuk E. Y. «Culture Time» as an Element of Sociocultural Identity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 421–424. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424.
